

Научная статья
УДК 347.78.01
DOI: 10.17323/tis.2025.24874

Original article

СТРИМИНГ НА ЛЕЗВИИ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА STREAMING ON THE EDGE OF PRIVATE AND PUBLIC LAW

Алексей Геннадьевич ДЕЙНЕКО

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, adeineko@hse.ru,
ORCID: 0000-0003-3700-7364,
SPIN РИНЦ: 8899-7709,
AuthorID: 704121

Информация об авторе

А.Г. Дейнеко — профессор Департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ «Высшая школа экономики», ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам, кандидат юридических наук, государственный советник Российской Федерации 2-го класса

Аннотация. Изложены подходы к правовому анализу стриминга, характерные для частноправовой и публично-правовой наук. В сфере частного права стриминг рассматривается преимущественно через призму способа использования исключительного права на аудиовизуальное или иное сложное произведение (видеоигру, сообщение телепередачи и т.п.), которое может быть как легальным, так и нелегальным. Дискуссионным является вопрос о допустимом объеме творческого вклада лица, организовавшего стриминг, в контексте возможности признания его переработкой произведения. В целом, многие термины права интеллектуальной собственности, разработанные в доцифровую эпоху, с большим трудом могут быть применены к стримингу.

- Кроме того, продемонстрированы различные подходы судебных органов к определению соотношения понятий стриминга и продукции электронного средства массовой информации.

- С позиций публичного права стриминг рассмотрен в контексте правовых новелл 2024 г., включивших в информационное законодательство новый вид запрещенной информации (треш-стримы) и дополнивших уголовное законодательство новымотягчающим обстоятельством — публичной демонстрацией преступных действий.

- Подведены итоги проведенного анализа и сформулированы некоторые предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

- **Ключевые слова:** стриминг, информационное право, уголовное право, авторское право, переработка, аудиовизуальные произведения, СМИ, треш-стримы, цифровые платформы, киберпространство

- **Для цитирования:** Дейнеко А.Г. Стриминг на лезвии частного и публичного права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 52, № 1. С. 8–18; DOI: 10.17323/tis.2025.24874

Alexey G. DEYNEKO

- National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, adeineko@hse.ru,
• ORCID: 000-0003-3700-7364,
• SPIN RSCI: 8899-7709,
• AuthorID: 704121

Information about the author

A.G. Deyneko — Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of the Digital Technology Law and Bio Law, Faculty of Law, associate fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the HSE University, State Councilor of the Russian Federation of 2nd Class

Abstract. The article discusses various approaches to the legal analysis of streaming, typical for private law and public law sciences. In the field of private law, streaming is considered mainly through the prism of the method of using the exclusive right to an audiovisual or other complex work (video game, TV broadcasting, etc.), which can be both legal and illegal. The issue on the permissible amount of creative contribution of the person, who organized the streaming in the context of the possibility of recognizing it as a reworking, is debatable. In general, many IP law terms developed in the pre-digital era can be applied to streaming with great difficulty.

In addition, the article demonstrates various approaches of judicial authorities to determining the relationship between the concepts of streaming and electronic media products.

Also, from the standpoint of public law, streaming is considered in the context of the 2024 legal novels, which included in the information legislation a new type of prohibited information — trash streams, and supplemented the criminal legislation with a new aggravating circumstance — a public demonstration of criminal actions. These novels are interconnected, but at the same time semantically and logically do not quite fit seamlessly into public legislation, and also create legal conflicts with certain norms of private law.

In conclusion, the results of the analysis are summarized and some proposals for improving legislation in the field under study are formulated.

Keywords: streaming, information law, criminal law, copyright law, reworking, audiovisual works, media, trash streams, digital platforms, cyberspace

For citation: Aleksei G. Deineko Streaming on the Edge of Private and Public Law // Trudi po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 52 (1). P. 8–18; DOI: 10.17323/tis.2025.24874

ВВЕДЕНИЕ

В августе 2024 г. в российском информационном законодательстве появился новый вид информации, запрещенной к распространению в отдельных частях киберпространства. Обязанность владельцев социальных сетей осуществлять мониторинг информации, размещаемой на подконтрольных им ресурсах, закреплена в подп. 5 п. 1 ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — Закон об информации), была расширена подпунктом «к», в котором указана «информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений»¹. Такое сложное и, как будет показано далее, недостаточно точное определение было избрано законодателем для обозначения явления, известного как *треш-стримы*.

Во взаимосвязи с этой новеллой переченьотягчающих обстоятельств, закрепленный в ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ), был дополнен подпунктом «Т», указывающим на совершение умышленного преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»³. Названные законы в своей совокупности неоднократно упоминались в средствах массовой информации как «законы

1 Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

2 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 9 ноября 2024 г. с изм. и доп., вступ. в силу с 20 ноября 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

³ Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

о запрете треш-стримов», в том числе самими законодателями⁴.

Эти правовые новеллы вызвали ожидаемый всплеск научных публикаций, посвященных уголовно-правовым аспектам противодействия треш-стримам, что может свидетельствовать об укоренении данного термина в отечественной правовой науке [1, 2 и др.]. Замечу, что отечественная криминологическая школа обращалась к этой проблеме с 2021 г. Так, тезис о необходимости квалификации треш-стримов в качествеотягчающего обстоятельства при совершении преступлений можно встретить в работах Ю.В. Грачевой и С.В. Маликова [3], А.В. Антоновой и Е.Н. Полуниной [4], А.П. Фильченко [5] и других исследователей.

Параллельно с этим в отечественной правовой науке развивались исследования, посвященные правовой квалификации стриминга как творческого продукта, не связанного с проявлением насилия или оскорбительными действиями. Вопросы правовой квалификации стриминга с позиций права интеллектуальной собственности исследовали в последние годы Р.И. Ситдикова [6], Н.Ю. Сергеева [7] и другие авторы.

Представляется важным соотнести базовые подходы к пониманию стриминга и его правовой квалификации, представленные в частноправовой и публично-правовой науках, чтобы ответить на вопрос о возможности синхронизации этих подходов в условиях дальнейшего развития российского законодательства.

СТРИМИНГ И JUS PRIVATUM

Одними из первых на явление стриминга обратили внимание правоведы, занимающиеся изучением влияния современных информационных технологий на развитие законодательства об интеллектуальной собственности. Не претендуя на первенство в этом вопросе, автор отмечает, что еще в 2010-2011 гг. ставил вопросы правовой квалификации интернет-радио и интернет-телевидения [8, 9]. Представляется, что стриминг в этом контексте вполне можно рассматривать как дальнейшее развитие указанных технологий, обусловленное повсеместным ростом скорости доступа к киберпространству и расширением его аудитории. Впрочем, имеются и значимые различия.

Проблематика правовой квалификации интернет-трансляций 10–15 лет назад в основном была

обусловлена попытками адаптировать новые технологические способы распространения контента к устаревшим правовым конструкциям, закрепленным в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ (далее — ГК РФ) и международных правовых актах⁶. Аналогично в отношении современных экономических и технологических моделей стриминга можно наблюдать попытки квалифицировать его в качестве одного из способов использования исключительных прав на произведение, поименованных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Во-первых, квалификация стриминга как *публично-го показа*, описанного в подп. 3 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, имеет своих сторонников и противников. Так, Э.Э. Сулейманов и А.К. Шульга утверждают, что к демонстрации аудиовизуальных произведений в интернете в целом применимы конструкции публичного показа и публичного исполнения [10]. Им возражает Е.А. Артемьева, ссылаясь на правовые позиции российских арбитражных судов, которые обычно не признают сеть Интернет «местом, открытым для свободного посещения» [11].

Во-вторых, при поверхностном взгляде трудно устоять перед соблазном отнести стриминг к *ретрансляции*, указанной в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ, поскольку семантически именно этот термин тяготеет к нему в наибольшей степени в случаях, когда для стриминга используются сообщения телепередач. Однако в соответствии с подп. 8.1 п. 2 ст. 1270 и ст. 1329 ГК РФ осуществлять ретрансляцию могут только организации эфирного или кабельного вещания — юридические лица. Владельцами пользовательских аккаунтов, на которых осуществляется стриминг, как правило, являются физические, а не юридические лица; следовательно, стриминг не является ретрансляцией. Что же касается юридического лица, владеющего стриминговой платформой, то оно, на взгляд автора этой статьи, выступает в роли информационного посредника, а не вещательной организации.

В-третьих, многие исследователи приходят к выводу, что стриминг следует квалифицировать как *переработку* произведения, описанную в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. В пользу такой квалификации говорит открытый перечень возможных способов созда-

⁴ См., например: Приняты законы о запрете треш-стримов // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [электронный ресурс]. — URL: <http://duma.gov.ru/news/59795> (дата обращения: 10 декабря 2024 г.).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22 июля 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

⁶ В первую очередь, но не ограничиваясь перечисленным: Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сентября 1979 г.); Договор ВОИС по авторскому праву и Согласованные заявления в отношении него (приняты Дипломатической конференцией в Женеве 20 декабря 1996 г.) // СПС «Консультант Плюс».

ния производных произведений, закрепленный в п. 1 ст. 1267 ГК РФ. Вместе с тем Д.А. Залялов высказывает сомнения в принципиальной возможности признания переработкой даже игрового стриминга со значительным уровнем творческой переработки (когда трансляция видеоигры дополняется отображением вида игрока при помощи веб-камеры, его комментариями и пр.) [12, с. 64-65].

Представляется, что признаки переработки можно найти даже в видеозаписи прохождения игры без каких-либо комментариев (так называемых *летсплеев*), если действия игрока в пространстве видеоигры обладают достаточной долей оригинальности. Так, широко практикуется использование игрового пространства жанра *TPS Action* (*third-person shooter action*) в виде городских и загородных массивов для копирования известных киносцен, имитации погонь, проведения краш-тестов различной техники и прочих действий, не предусмотренных базовым сценарием прохождения видеоигры. Признаки переработки можно наблюдать и при использовании в стримах трансляций спортивных событий, если к ним добавляются переозвучка другим комментатором, банковские реквизиты и иные способы поддержки нелегальных «вещателей», возможности голосований и викторин, а также ставок на исход спортивного события.

Проблемным аспектом квалификации стриминга как переработки является необходимость получения согласия правообладателя исходного произведения. Здесь справедливо замечание Д.Д. Тюпича о том, что разработчики видеоигр «вряд ли смогут ответить на обращение каждого стримера о предоставлении права использовать видеоигру» [13, с. 1016]. Кроме того, высокая степень участия зрителей в процессе стриминга заставляет задаться вопросом о границах такого переработанного произведения: например, будет ли оно включать комментарии зрителей и их взаимодействие между собой на площадке трансляции? Нередко действия лица, организовавшего стриминг, зависят от выбора зрителей, подкрепленного пожертвованиями во время прямого эфира (так называемыми донатами). В абсолютном выражении соавторами такой переработки могут оказаться тысячи пользователей, хоть как-то поучаствовавших в стриме (при труднореализуемом условии, что правообладатель разрешил им такие действия).

В-четвертых, большинство отечественных исследователей сходятся во мнении, что наиболее подходящим для стриминга способом использования исключительных прав (из поименованных в п. 2 ст. 1270 ГК РФ) остается *доведение до всеобщего сведения*. В этом смысле сущность правовой охраны сообщений телепередач, видеоигр и иных аудиовизуальных произведений в киберпространстве сводится к понятной для

правообладателя модели по недопущению их использования на сторонних информационных ресурсах, которые могут забрать часть аудитории у легальных каналов доставки контента. Однако и здесь есть основания ставить вопрос о границах произведения — ведь оригинальная видеоигра или телепередача не обладает такой степенью зрительского участия, как стриминг.

В-пятых, возможен подход с квалификацией стриминга в качестве *цитирования* обнародованного произведения, которое в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ является частным случаем правомерного использования произведения без согласия правообладателя. А.Ю. Чурилов отмечает, что при игровом стриминге используется лишь незначительная часть видеоигры, а ее программный код не используется вовсе [14]. Но на взгляд автора этой статьи, такая квалификация подходит, скорее, для небольшой доли стриминга, представляющего собой обзоры видеоигр, спортивных или (реже) телевизионных событий. Здесь от стримера («обзорщика») требуется обостренное чувство меры, поскольку обязательным условием цитирования является соблюдение объема, оправданного данной целью. В качестве примера обзора телевизионного, а не спортивного события можно привести обзоры игр Клуба веселых и находчивых (КВН), выполняемые известными юмористами на различных площадках. Их следует отличать от популярных в социальных сетях обзоров различных товаров и услуг, которые представляют собой самостоятельные аудиовизуальные произведения.

С учетом описанной специфики нельзя исключать и возможность признания стриминга непоименованным способом использования исключительного права на произведения, поскольку перечень, закрепленный в п. 2 ст. 1270 ГК РФ, является открытым. В этой связи компромиссным и непротиворечивым разрешением описанной дискуссии могло бы стать закрепление легального определения стриминга в новом подп. 12 п. 2 ст. 1270 ГК РФ.

Для формулирования контуров возможного легального определения стриминга следует обратиться к проблеме его типологизации. Исходя из степени творческого вклада лица, организовавшего стриминг, И.Ю. Пащенко предлагает выделять лицензионный и пользовательский стриминг [15]. В первом случае речь идет о сервисах, которые предоставляют доступ к контенту «идентифицированным пользователям по подписке», во втором — о деятельности многочисленных пользователей на различных цифровых платформах [17]. А.С. Вартанов предлагает дополнить указанную классификацию разделением пользовательского стриминга на «собственный контент (например, прямые эфиры в [социальной сети] VK)

и дублируемый (трансляция материала, созданного другим человеком)» [16, с. 111]. На взгляд автора этой статьи, лицензионный стриминг, по существу, невозможно отграничить от доведения до всеобщего сведения, поскольку в нем отсутствует специфика «прямого эфира» и творческого вклада лица, организовавшего стриминг.

Представляется целесообразным использовать содержательный критерий, который отражал бы объект, взятый за основу для стриминга в каждом конкретном случае. Выше упоминались игровые стриминги, основой которых является видеоигра, доступная неограниченному кругу лиц на возмездной или безвозмездной основе. Творческий вклад лица, организовавшего игровой стриминг, как правило, наиболее высок, а зрители, задействованные в нем посредством опросов, пари, викторин, конкурсов и других интерактивных элементов, формируют сложный объект коллективного творчества. Наиболее успешные организаторы игровых стримингов получают высокие прибыли от монетизации производимого контента.

Вторым возможным видом стриминга в этой классификации будут обзоры видеоигр, спортивных и телевизионных событий. Положительные оценки новой видеоигры от популярных стримеров способны значительно подогреть пользовательский интерес к ней, а жесткая (иногда намеренно) критика недостатков видеоигры, напротив, может заметно сократить ее аудиторию. Распространены случаи рекламного сотрудничества производителей видеоигр и известных блогеров, в основе которого, как можно предположить, лежат договорные модели авторского заказа либо договора оказания рекламных услуг.

В качестве третьего вида стриминга можно назвать «ретрансляцию» сообщений телепередач, прежде всего спортивных событий. Этот вид стриминга обоснованно вызывает наибольшее беспокойство у правообладателей, хотя можно наблюдать и обратные эффекты. Так, значительную долю доходов Континентальной хоккейной лиги (КХЛ) и участвующих в ней профессиональных спортивных клубов составляют доходы от рекламных контрактов и исключительных прав на телевизионные трансляции хоккейных матчей. В этих условиях правообладатель проводит активную политику по противодействию нелегальному стримингу хоккейных матчей в киберпространстве. При этом любительские хоккейные лиги, например Офицерская хоккейная лига (ОХЛ) или лига «Трудовые резервы», обладают на порядок более скромными аудиториями, трансляции игр таких лиг в социальных сетях собирают от нескольких десятков до нескольких сотен зрителей. В этих условиях любительские лиги на данном этапе своего развития

вряд ли заинтересованы в блокировке стриминга, осуществляемого третьими лицами без их разрешения, поскольку это повышает их узнаваемость.

Резонансным примером судебного преследования стриминговой платформы за нарушение ее пользователем исключительных прав на спортивную трансляцию стало решение по делу № 3-263/2021, вынесенное Московским городским судом в 2021 г. Согласно факту дела, в 2019 г. один из пользователей стриминговой платформы *Good Game*, не имея на то разрешения правообладателя, создал на двух своих аккаунтах копию трансляции хоккейного матча КХЛ, осуществляемой телеканалом «КХЛ ТВ». Администраторы стриминговой платформы, получив претензию правообладателя, заблокировали обе трансляции через 9 минут после их начала, совокупная аудитория трансляций за это время составила 42 человека. Несмотря на это, правообладатель обратился в суд и запросил максимально возможную (из твердых сумм, предусмотренных ст. 1301 ГК РФ) компенсацию за нарушение исключительного права на произведение в размере 5 млн рублей за каждый из двух выявленных случаев нарушения исключительных прав.

Ответчик по делу, владеющий стриминговой платформой, заявил в суде, что считает себя информационным посредником, не вносил никаких изменений в трансляцию до момента получения претензии правообладателя и готов предоставить регистрационные данные пользователя, осуществившего незаконное доведение до всеобщего сведения, в целях обращения к нему претензий правообладателя. Ответчик обоснованно сослался на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, который рекомендовал судам оценивать возможность признания владельцев сайтов информационным посредником в каждом конкретном случае, исходя из оценки характера осуществляемой ими деятельности⁷.

При рассмотрении дела № 3-0400/2019 суд первой инстанции согласился с доводами истца и обязал ответчика выплатить штраф, возместить истцу судебные издержки и удалить спорный контент. В данном случае против ответчика сыграл тот факт, что он был учредителем средства массовой информации в виде электронного периодического издания *GoodGame.ru*, а по смыслу ст. 26, 42 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»⁸ редакция

⁷ Пункты 77, 78 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 11 марта 2024 г.) «О средствах массовой информации» // СПС «Консультант Плюс».

средства массовой информации обязана соблюдать права на используемые произведения, а выпуск продукции СМИ возможен только после того, как главным редактором дано соответствующее разрешение.

Решение Мосгорсуда 2019 г. устояло в апелляционной и кассационной инстанциях, однако 1 декабря 2020 г. Коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла определение № 5-КГ20-96-К2, в котором указала, что спорная трансляция не является продукцией средства массовой информации и ответчик не должен нести ответственность за ее содержание. Дело было направлено на новое рассмотрение, и 19 марта 2021 г. Московский городской суд постановил отказать истцу в удовлетворении заявленных исковых требований. Впоследствии это решение устояло в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях.

Таким образом, можно констатировать, что стриминговые платформы наряду с видеохостингами, социальными сетями и иными цифровыми платформами рассматривают закрепленный в ст. 1253.1 ГК РФ институт информационного посредника как «тихую гавань» и видят в нем средство для хеджирования своих рисков. С этой целью платформы реализуют определенную правовую политику.

Во-первых, еще на стадии формулирования пользовательских соглашений стриминговые платформы перекладывают всю полноту ответственности за соблюдение интеллектуальных прав на пользователей. В приведенном примере из судебной практики стриминговая платформа среди прочего указала в пользовательском соглашении запрет на трансляцию контента, который может нарушать права третьих лиц. Сами пользователи, не вникая в условия лицензионных соглашений, вынуждены соглашаться с условиями, альтернативно предлагаемыми платформами.

Во-вторых, стриминговые платформы обычно воздерживаются от регистрации в качестве электронного средства массовой информации (сетевого издания), поскольку данный статус, с их точки зрения, скорее, налагает дополнительные обязанности, а не предоставляет дополнительные права.

В-третьих, стриминговые платформы внедряют технические средства защиты авторских прав, предусмотренные ст. 1299 ГК РФ; одним из самых известных технических средств такого рода является система *Content ID* на платформе *YouTube*, обладающей стриминговым функционалом.

В-четвертых, при возникновении претензий со стороны правообладателей платформы стараются оперативно блокировать или удалять спорный контент, устранив от спора по поводу интеллектуальных прав.

В отношении последних двух пунктов замечу, что претензии правообладателей или применение технических средств защиты авторских прав могут быть обусловлены использованием объектов авторских прав, принадлежащих третьим лицам. В частности, разработчики видеоигр обычно указывают в пользовательских соглашениях, что игроки могут осуществлять стриминг при условии получения согласия правообладателя (-ей) музыкальных произведений, использованных при создании видеоигры. Это вызвано тем, что лицензионный договор правообладателя с разработчиком видеоигры с очевидностью не предусматривает такого способа использования произведения, как стриминг.

При этом сами платформы, очевидно, осознают коммерческую привлекательность стриминга с точки зрения расширения пользовательской аудитории, поэтому в отсутствие явных признаков нарушений авторских прав (например, непрерывной трансляции эфира телеканала) склонны разрешать такую деятельность пользователей до тех пор, пока она не станет объектом претензий со стороны правообладателей.

СТРИМИНГ И *JUS PUBLICUM*

При буквальной трактовке новеллы Закона об информации можно прийти к ложному выводу о том, что распространение треш-стримов несет в себе риски лишь для владельцев социальных сетей. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) за неисполнение владельцем социальной сети обязанности по осуществлению мониторинга для юридических лиц предусмотрен административный штраф в размере от 800 тыс. до 4 млн. рублей⁹. Напомню, что в КоАП РФ и тезаурусе Закона об информации определение социальной сети отсутствует, но ст. 10.6 Закона об информации определяет ее, как «сайт и (или) страницу сайта в сети Интернет, и (или) информационную систему, и (или) программу для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направ-

⁹ Часть 2 ст. 13.50 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.) // СПС «Консультант Плюс».

ленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации».

Автору пришлось привести это объемное определение, чтобы напомнить о проблеме трансграничности киберпространства, которую законодатель в каждом конкретном случае вынужден решать разными путями. В процитированной норме выбор был сделан в пользу привязки к национальной юрисдикции через язык распространения информации, гипотетическую направленность гипотетической рекламы и показатели посещаемости социальной сети в нашей стране. Нетрудно заметить, что каждый из критериев может трактоваться субъектами информационных правоотношений по-разному и в этой связи вполне может стать предметом отдельного спора в судебном процессе.

Тот факт, что на владельцев социальных сетей возложена обязанность по мониторингу такого рода информации, относит ее к широкому перечню видов информации, запрещенной к распространению в российском сегменте киберпространства. Здесь мы выходим на общую проблему информационного права, заключающуюся в несистемности его понятийного аппарата. Подпункт 4 п. 4 ст. 3 Закона об информации называет в числе одного из видов информации, распространение которой в Российской Федерации ограничивается или запрещается, однако в последующих нормах Закона об информации можно встретить лишь отдельные примеры такой информации, чередующиеся с многочисленными отсылками к другим нормативным правовым актам. В числе таких отсылок — запрет на распространение информации с нарушением авторских и (или) смежных прав, который появился в ст. 15.2 Закона об информации в 2013 г.

Автор неоднократно критиковал, в том числе и на страницах данного журнала [17], законодательные поправки, связанные с блокировкой информационных ресурсов, на которых распространяется информация, нарушающая авторские или смежные права, за неэффективность предлагаемых механизмов. Одним из проблемных аспектов, на которые он обращал внимание, является противоречие кругов объектов гражданских и информационных правоотношений. Поскольку с 2006 г. информация исключена из числа объектов гражданских прав, стриминг, не нарушающий публично-правовых норм, следует относить к объектам интеллектуальных прав (как отмечено выше, скорее всего, — к переработанному аудиовизуальному произведению). Однако в случае появления в составе такого произведения оскорблений и (или) изображения противоправных действий, оно ста-

новится одним из видов информации, запрещенной к распространению (треш-стримом), при этом, похоже, не переставая быть произведением. Вопрос о том, может ли произойти обратное перевоплощение, когда художественное или документальное произведение, в котором демонстрируются случаи насилия или звучат оскорбления, признается треш-стримом, пока остается без ответа.

Безусловно, в рамках публичного права остается огромное количество примеров стриминга, не нарушающего интеллектуальные права и не содержащего оскорблений или изображений противоправных действий. Сюда относятся многочисленные интерактивные шоу, научно-популярные проекты, пресс-конференции и т.п. *Е.Е. Семенов* описывает любопытный опыт организации в Нижегородской области стриминга в ходе Единого дня голосования в 2022 г. В ходе стриминга видеотрансляция процедуры голосования на различных избирательных участках области перемежалась прямыми включениями корреспондентов с мест, студийными интервью и интерактивным взаимодействием со зрителями. Как отмечает *Е.Е. Семенов*, «посредством стримингового вещания была создана полиформатная, насыщенная событиями и живыми человеческими эмоциями форма интерактивной социальной коммуникации» [18, с. 96], что привело к росту просмотров в 60 раз в сравнении с форматами, применяемыми в предыдущие избирательные кампании. Таким образом, сам по себе стриминг как форма пользовательской активности в киберпространстве не является противозаконным.

Включение треш-стримов в уголовное законодательство существенным образом расширило проанализированное выше понимание стриминга как способа использования исключительного права на произведение. Применяемая законодателем формулировка «публичная демонстрация» понимается в публичном праве значительно шире, чем в частном. На примере публичной демонстрации нацистской атрибутики или символики, запрещенной ст. 282.4 УК РФ, видно, что этот термин охватывает бесчисленное количество вариантов действий в реальном мире и в киберпространстве. Случайно или намеренно декларируемая законодателем цель пресечь практику треш-стримов (которую, как указывают исследователи, в нашей стране поддерживают 87% интернет-пользователей [19, с. 140]) выразилась на практике в неопределенном критерии публичности совершения умышленных преступлений.

В современном информационном обществе едва ли не каждое преступление мгновенно попадает в киберпространство, обрастая подробностями и слухами, в связи с чем о его совершении узнают на порядок

больше людей, чем в эпоху традиционных (нецифровых) средств массовой информации. Означает ли это, что каждое умышленное преступление, попавшее в новостные сводки, совершено с публичной демонстрацией и должно наказываться более строго? Здесь автор этой статьи поддерживает точку зрения *О.А. Петряниной* и *С.Т. Сулейманова*, которые на примере треш-стримов подчеркивают взаимосвязь эффективности противодействия киберпреступлениям с применением унифицированных уголовно-правовых механизмов [20, с. 147].

Другой актуальный вопрос правовой квалификации, который ставит, в частности, *Е.Н. Рахманова*, — отграничение треш-стримов от экстремистской деятельности, поскольку данные действия нередко осуществляются пользователями вследствие иррациональной тяги к насилию и жажды заработка, но не по мотивам ненависти к той или иной группе лиц [19, с. 140]. В связи с этим обстоятельством *Ю.В. Грачева* и *С.В. Маликов* настаивают на выделении треш-стримов в качестве самостоятельного преступления против общественной нравственности [3, с. 208]. Кроме того, *А.П. Фильченко* [5, с. 90], *Г.А. Решетникова* [21, с. 57] и другие авторы верно обращают внимание на то, что внешнее проявление признаков насилия в треш-стримах часто является лишь имитацией, а это в сочетании с отсутствием заявления от «потерпевшего» не всегда позволяет обнаружить основания для уголовной или административной ответственности.

На взгляд автора этой статьи, публично-правовое регулирование деятельности социальных сетей и иных цифровых платформ, используемых для стриминга, должно предусматривать и алгоритм их действий в случае обнаружения трансляции насилия или иного шокирующего контента. Так, попытки террористов в различных странах вести прямую трансляцию своих преступлений в крупных социальных сетях довольно быстро пресекались модераторами, хотя небольшие фрагменты записей таких трансляций продолжают стремительно распространяться в киберпространстве. Более сложный этический вопрос ставит *Д.В. Мильчина*, анализируя ужасающую практику трансляции пользователями социальных сетей самоубийств в прямом эфире. В таких ситуациях перед администраторами социальных сетей возникает непростая дилемма: прерывать любой стриминг, в ходе которого пользователи заявляют о предстоящем самоубийстве (например, путем автоматизированного контент-анализа), либо оставлять подобные трансляции «в эфире», надеясь на то, что близкие пользователи смогут прийти к ним на помощь [22, с. 259].

В условиях крайне расплывчатых формулировок обеих проанализированных правовых новелл остается

выразить надежду на то, что высшими судами будут сформулированы более точные критерии для выявления треш-стримов. Многие авторы [20, 21 и др.] справедливо указывают на особую восприимчивость несовершеннолетних к просмотру треш-стримов, и здесь следует задаться вопросом о наиболее распространенных каналах доступа к ним. В пространстве социальных сетей и стриминговых платформ любая трансляция, вызывающая интерес пользователей, довольно быстро попадает в рекомендации. В связи с этим общий запрет на применение рекомендательных технологий по отношению к пользователям младше 18 лет мог бы если не прекратить, то заметно сократить поток вредного контента. Безусловно, это потребует также совершенствования механизмов идентификации и проверки возраста пользователей.

В целом же, проблема соотношения методов и терминологии частноправового и публично-правового регулирования является общей едва ли не для всех видов общественных отношений, происходящих в киберпространстве. Цифровые платформы, в том числе стриминговые, предсказуемо стремятся к частноправовой модели регулирования, в рамках которой они могут минимизировать свою ответственность и навязать пользователям выгодные для себя условия пользовательских и лицензионных соглашений. При этом законодатель, принудительно вводя отдельные цифровые платформы в российскую юрисдикцию, создает необходимую основу для применения к ним публично-правовых регуляторных механизмов. Иллюстрацией терминологических коллизий между частным и публичным правом служат также различные подходы к определению самих цифровых платформ, возможным подвидом которых являются стриминговые.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные в настоящей статье проблемы частноправового регулирования стриминга основаны на устаревших правовых конструкциях, которые законодатель с большим трудом может адаптировать к современным реалиям. Понятия «ретрансляция» и «публичный показ» пришли к нам из доцифровой эпохи, а понятия «переработка», «цитирование» и «доведение до всеобщего сведения» характеризуются чрезмерной расплывчатостью. В частности, неясно, где проводить границу между неправомерным доведением до всеобщего сведения исходного и переработанного стримером аудиовизуального произведения.

На стыке между частноправовым и публично-правовым регулированием находится законодательство о средствах массовой информации, которое создает

правовые коллизии в случаях, когда стриминговые платформы получают регистрацию в качестве средств массовой информации. На практике встречаются ситуации, когда стриминговая платформа предпринимает усилия, для того чтобы подпадать под гражданско-правовой статус информационного посредника, но как средство массовой информации несет прямую ответственность за соответствие публикуемого контента (в том числе пользовательского) требованиям законодательства.

Появление одной из разновидностей стриминга в информационном и уголовном законодательстве, к сожалению, не добавило определенности его правовому регулированию. В части информационного права оно обострило проблему хаотичного понятийного аппарата и отсутствия системного перечня видов информации, запрещенной к распространению в киберпространстве. Неясен по-прежнему вопрос об информационно-правовом статусе аудиовизуального произведения (записи стриминга), в котором есть признаки, закрепленные для треш-стримов. При этом стриминг, не нарушающий требования законодательства, остается одной из форм допустимой пользовательской активности и нуждается в урегулировании, например, в части налогообложения.

Наша научная и практическая специализация не позволяет с должной глубиной оценить криминологическую обоснованность закрепления треш-стримов в качествеотягчающего обстоятельства при совершении преступлений против личности. Вместе с тем стоит отметить обеспокоенность коллег вопросом о выделении объекта преступного посягательства, особенно в тех случаях, когда экранное насилие является имитацией, а пострадавшие лица по тем или иным причинам не обращаются с заявлениями в правоохранительные органы.

В числе предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения выделяю необходимость уточнения критериев треш-стримов (возможно, посредством судебного активизма), закрепления формулировки легального стриминга как способа использования исключительного права на произведение и способа создания нового произведения, а также необходимость запрета для цифровых платформ применять рекомендательные технологии к пользователям, не достигшим 18 лет.

Кроме того, наряду с мерами уголовной и гражданской ответственности, предусмотренными за описанные правонарушения, представляется обоснованной постановка вопроса о выделении мер информационно-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности (см., например, [23]). Применительно к рассмотрен-

ным в настоящей статье вопросам в качестве примера можно привести действия стриминговых платформ по отношению к нарушителям пользовательских соглашений. Они могут выражаться во временных или постоянных блокировках пользовательских аккаунтов, лишении пользователей премиальных статусов, приостановлении монетизации контента и иных мерах, напрямую не предусмотренных законодательством. Автор этой статьи склонен относить такие меры к особому подвиду договорной информационно-правовой ответственности, однако вопрос о ее доктринальном закреплении заслуживает отдельной дискуссии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А., Маланин А.А., Савельева Д.Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 312–316.
2. Хмелевский И.О. Треш-стримы: оценка необходимости криминализации // Вестник науки и образования. 2024. № 5-1(148). С. 94–96.
3. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6 (127). С. 202–210. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210.
4. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90–91. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-3-90-91.
5. Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 90–100. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-460-90-100.
6. Ситдикова Р.И., Васильев Э.Э. Поточковая видеозапись (стриминг) как объект интеллектуальной собственности // Юрист. 2021. № 9. С. 59–64. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-9-59-64.
7. Сергеева Н.Ю. Стриминг и законодательство об интеллектуальных правах // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 12. С. 17–24.
8. Дейнеко А.Г. Интернет-радио: проблемы правовой квалификации // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». 2010. № 4. С. 205–222.
9. Дейнеко А.Г. Проблемы правовой квалификации интернет-телевещания в Российской Федерации // Европейский журнал социальных наук. 2011. № 11(14). С. 578–584.
10. Сулейманов Э.Э., Шульга А.К. Публичный показ и публичное исполнение как способы использования

- исключительного права на аудиовизуальное произведение // Эпомен (с сентября 2024 г. выходит под названием «Вестник экономики и права»). 2021. № 57. С. 351–358.
11. Артемьева Е.А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3(33). С. 112–123.
 12. Залялов Д.А. Границы правомерной и неправомерной трансляции видеоигр // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 6. С. 62–70. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070.
 13. Тюпич Д.Д. Правовая природа стриминга видеоигр с точки зрения российского законодательства // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 6 (81). С. 1012–1023.
 14. Чурилов А.Ю. Некоторые вопросы правового режима и охраны трансляций компьютерных игр // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 43–50.
 15. Пашенко И.Ю. Авторские права и пользовательский стриминг: нарушения в прямом эфире // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. мат. VIII Междунар. юридического форума (IP Форума). М.: МГЮА, 2020. С. 350–354.
 16. Вартаков А.С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49. № 2. С. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719.
 17. Дейнеко А.Г. Антипиратский закон — эволюция, или революция? // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2014. Т. 16. № 1. С. 115–131.
 18. Семенов Е.Е. Стриминговые технологии в наблюдательном процессе за выборами: новые горизонты политической публичности // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 4 (26). С. 91–99.
 19. Рахманова Е.Н., Берестовой А.Н., Цветков П.В. Треш-стрим — форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 137–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
 20. Петрянина О.А., Сулейманов С.Т. Конституционные и уголовно-правовые вопросы дифференциации ответственности за криминальное использование телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: теория, техника, практика // Вестник РУК. 2019. № 2 (36). С. 145–148.
 21. Решетникова Г.А. Пропаганда противоправного и аморального антиобщественного поведения, как преступление против общественной нравственности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 54–59. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-54-59.
 22. Мильчина Д.В. Этические и правовые аспекты онлайн-трансляций // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 10. С. 255–261.
 23. Информационное право: учеб. для вузов / М.А. Федотов [и др.]; под редакцией М.А. Федотова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.

REFERENCES

1. Pisarevskaya E.A., Dvorzhickaya M.A., Malan'in A.A., Savel'eva D.E. Tresh-striming: problemy ugovovno-pravovogo regulirovaniya // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2024. No 2 (189). S. 312–316.
2. Hmelevskij I.O. Tresh-strimy: ocenka neobходимosti kriminalizacii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2024. No 5-1 (148). S. 94–96.
3. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Tresh-strim: social'naya obuslovennost' kriminalizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. No 6 (127). S. 202–210. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210.
4. Polunina E.N., Antonova A.V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za "tresh-strim" v Internetе // Zakon i pravo. 2021. No 3. S. 90–91. DOI: 10.24412/207-3313-2021-3-90-91.
5. Fil'chenko A.P. Ohrana obshchestvennoj npravstvennosti ot posyagatel'stv v forme pryamyh translyacij protivopravnogo povedeniya (tresh-strimov) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. No 4 (60). S. 90–100. DOI: 10.24412/2072-9391-2021-460-90-100.
6. Sitdikova R.I., Vasil'ev E.E. Potokovaya videozapis' (striming) kak ob'ekt intellektual'noj sobstvennosti // Yurist. 2021. No 9. S. 59–64. DOI: 10.18572/1812-3929-2021-9-59-64.
7. Sergeeva N.Yu. Striming i zakonodatel'stvo ob intellektual'nyh pravah // Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava. 2022. No 12. S. 17–24.
8. Dejneko A.G. Internet-radio: problemy pravovoj kvalifikacii // Vserossijskij nauchnyj zhurnal "Voprosy pravovedeniya". 2010. No 4. S. 205–222.
9. Dejneko A.G. Problemy pravovoj kvalifikacii Internet — televeshchaniya v Rossijskoj Federacii // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. 2011. No 11 (14). S. 578–584.
10. Suleimanov E.E., Shul'ga A.K. Publichnyj pokaz i publichnoe ispolnenie kak sposoby ispol'zovaniya iskl'yuchitel'nogo prava na audiovizual'noe proizvedenie // Epomen. 2021. No 57. S. 351–358.
11. Artem'eva E.A. Pravovoe regulirovanie igrovogo striminga po rossijskomu zakonodatel'stvu // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2021. No 3(33). S. 112–123.

12. Zalyalov D.A. Granicy pravomernoj i nepravomernoj translyacii videoigr // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. T. 19. No 6. S. 62–70. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.163.6.062-070.
13. Tyupich D.D. Pravovaya priroda striminga videoigry s točki zreniya rossijskogo zakonodatel'stva // Alleya nauki. 2023. T. 1. No 6 (81). S. 1012–1023.
14. Churilov A.Yu. Nekotorye voprosy pravovogo rezhima i ohrany translyacii komp'yuternyh igr // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2020. T. 17. No 1. S. 43–50.
15. Pashchenko I.Yu. Avtorskie prava i pol'zovatel'skij striming: narusheniya v pryamom efire // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sb. mat. VIII Mezhdunar. yurid. foruma (IP Forum). M.: MGYUA, 2020. S. 350–354.
16. Vartanov A.S. Zashchita avtorskih prav na format onlajn-shou // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. T. 49. No 2. S. 109–117. DOI: 10.17323/tis.2024.21719.
17. Dejneko A.G. Antipiratskij zakon — evolyuciya, ili revolyuciya? // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2014. T. 16. — № 1. — S. 115–131.
18. Semenov E.E. Strimingovye tekhnologii v nablyudatel'nom processe za vyborami: novye gorizonty politicheskoy publichnosti // Grazhdanin. Vybory. Vlast'. 2022. No 4 (26). S. 91–99.
19. Rahmanova E.N., Berestovoj A.N., Cvetkov P.V. Tresh-strim — forma setевой agressii: ugovovno-pravovoj analiz // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. No 1 (97). S. 137–143. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.
20. Petryanina O.A., Sulejmanov S.T. Konstitucionnye i ugovovno-pravovye voprosy differenciacii otvetstvennosti za kriminal'noe ispol'zovanie telekommunikacionnyh setej, vklyuchaya set' Internet: teoriya, tekhnika, praktika // Vestnik RUK. 2019. No 2 (36). S. 145–148.
21. Reshetnikova G.A. Propaganda protivopravnogo i amoral'nogo antiobshchestvennogo povedeniya, kak prestuplenie protiv obshchestvennoj npravstvennosti // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. No 3 (42). S. 54–59. DOI: 10.47475/2311-696H-2024-42-3-54-59.
22. Mil'china D.V. Eticheskie i pravovye aspekty onlajn-translyacij // Uspekhi gumanitarnyh nauk. 2020. No 10. S. 255–261.
23. Informacionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov [i dr.]; pod redakciej M.A. Fedotova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2025.